

СЕМЬЯ – СОЦИУМ – ЛИТЕРАТУРА

ИНЕССА МОРОЗОВА

Институт философии НАН Беларуси
Центр социально-философских и антропологических исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: inesmorozova@bk.ru
(получено 12.09.2017; принято 30.09.2017)

Abstract

Family – Society – Literature

The article presents an analysis of the moral and psychological problems of the family as a social institution, reflected in the modern Belarusian fiction literature of the last decade. On the basis of the works of Belarusian writers (A. Bravo, O. Zhdan, V. Zelenko, L. Kebich, A. Kozlov, D. Petrovich, M. Prokhar), the author describes the problem of dehumanization of traditional family values, the phenomena of alienation in interpersonal relations and adultery, as well as the emotional-psychological and moral violence in the family.

Key words

Family, marriage, love, personality, society, conflict, estrangement, betrayal, selfishness, literature, morality, psychology.

Резюме

В статье представлен анализ нравственно-психологических проблем семьи как социального института, отраженных в современной белорусской художественной литературе последнего десятилетия. В частности, рассматривается проблема дегуманизации традиционных семейных ценностей, феномены от-

чужденности в межличностных отношениях и супружеской измены, эмоционально-психологическое и моральное насилие в семье на материале произведений белорусских авторов (А. Браво, О. Ждан, В. Зеленко, Л. Кебич, А. Козлов, Д. Петрович, М. Прохар).

Ключевые слова

Семья, брак, любовь, личность, социум, конфликт, отчужденность, измена, эгоизм, литература, нравственность, психологизм.

Институт семьи, являющийся первоосновой человеческого бытия, существующий в границах определенного общества и объективно выполняющий специфические социальные функции, имеет уникальное значение. Семья продолжает оставаться одной из главных базовых ценностей для человека, невзирая на различного рода пессимистические прогнозы относительно ее будущего. Безусловно, семья развивается вместе с обществом, в той или иной степени реагируя на социальные изменения. Как уже неоднократно указывалось исследователями, развитие института семьи на постсоветском пространстве на современном этапе во многом похоже и повторяет тенденции, характеризующие особенности процесса изменений семьи в европейских странах: явления нуклеаризации и эгалитаризации семьи, демократизации семейных отношений, эмансипация женщин, распространение нетрадиционных форм семьи. С одной стороны, усиливаются явления дегуманизации традиционных семейных ценностей, с другой – осуществляется синтез традиции и модерна. Следует признать тот очевидный факт, что идет объективный процесс трансформации традиционной семьи в современную, причем эта трансформация, по мнению многих исследователей, является прогрессивной эволюцией, это мировой процесс, а кризис – это условие, в котором происходит модернизация семьи.

Происходящие на современном этапе системные трансформации общества влекут за собой изменения института семьи, затрагивая как сущностные ее характеристики, так и специфику ее функциональных свойств, приводя к ослаблению духовно-нравственной атмосферы. Об этом говорит и Дарио Салас Соммер, констатируя этический и духовный упадок современного человека, отсутствие у него духовных ценностей, необходимых для формирования качественных семейных отношений¹. Феномены отчужденности, отстранения в межличностных семейных отношениях и супружеской измены, имеющие различную вариативность, наиболее актуализированы на данном этапе развития семьи. Все это существенно влияет на изменение функционирования социальных ролей в семье. Усиливаются взаимные претензии супругов, связанные с неоправданными ролевыми ожиданиями, поскольку явления индивидуализации и рационализма, стремление к автономности, инфантилизм и легкомысленное

---

¹ Д. Соммер. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_x_356/1-moral_x_356.html> (10.10.2017).

отношение к браку порождают стрессовые ситуации в межличностных семейных отношениях.

Художественная литература всегда чутко реагировала на происходящие изменения в многофункциональном пространстве семьи, достаточно широко отражая проблему антиномичности триадических отношений «человек – семья – социум». Противоречия в этой триаде носят многоуровневый характер и вызывают повышенный исследовательский и читательский интерес. Нравственно-психологический аспект взаимоотношений в семье всегда является актуальным для художественного сознания. Проблема противоречивых, неоднозначных взаимоотношений мужчины и женщины, внутренней дисгармонии и эмоционально-психологической разобщенности находит свое отражение в современной литературной реальности.

Как правило, причиной кризисных ситуаций во взаимоотношениях двух становится факт обычной банальной измены. В современной белорусской литературе наблюдается усиление обращенности к данной (в общем-то традиционной) проблематике, причем, социальная составляющая не является определяющей в кризисе семейных диадических отношений мужа и жены, отраженных в романе Веры Зеленко *Не умереть от истины*. Авторское сознание тщательно фиксирует ситуацию так называемой «точки невозврата», которую определяет для себя главный герой, успешный и очень популярный актер театра и кино, явившись случайной жертвой нападения неизвестных, принимая решение «исчезнуть» из жизни и понаблюдать за реакцией близких, друзей и коллег. Приняв в жизни, а не на сцене, роль человека играющего, он случайно узнает после собственных «похорон» настоящую картину микромира своей семьи. Осознав ложь, фальшь и предательство супруги, умудрившейся на протяжении долгого времени жить двойной жизнью, изменять ему с коллегой по работе, он впадает в состояние тяжелой депрессии, еще более усугубившейся от понимания отсутствия родственных связей между ним и дочерью, которую он боготворит:

Он лежал пластом. Не шевелясь и не дыша. Вот только сейчас он почувствовал себя окончательно и заживо сожженным. Его душа была объята голубым пламенем, в одно мгновение она истончилась до кучки серого невзрачного пепла. Сначала у него отобрали жизнь. Теперь дочь, и с этим ничего нельзя было поделать. Лучше бы он сгорел!²

Герой не может обрести экзистенциальное равновесие, сосредоточенность на профессиональной деятельности, преодолеть моральную опустошенность и социальный нигилизм. Возникшее чувство внутренней растерянности породило состояние социальной и моральной ущербности, доминирующими становятся пессимизм и депрессивность. Герою предстоит длинный и непростой путь преодоления душевного кризиса и эмоционально-психологического надлома. Анализируя прожитую жизнь, творческие достижения и личные неудачи, переосмысливая нравственную составляющую межличностных отношений, герой

---

² В. Зеленко. *Не умереть от истины*. [В:] *Неизъяснимая любовь: современная женская проза*. Составитель, автор вступительной статьи О. А. Ждан. Минск: Звезда, 2014, с. 7.

романа открывает для себя острую потребность в общечеловеческих ценностях и такую ясную, гениальную в своей простоте истину:

Как много вещей существует на свете, которые не нужны. Простые вещи — самые драгоценные. Только потеряв все это, начинаешь понимать, что тепло, верность, твоя семья и твой ребенок, сказки, рассказанные ему на ночь, вот этот вот пригретившийся яблочный пирог со стаканом горячего чая, друзья рядом, с которыми всегда есть о чем переболвиться словом и которые никогда не предадут, а еще здоровые руки, ноги, а главное — голова и обязательно, чтобы впереди маячил свет надежды, — только потеряв все это, начинаешь понимать, что это и есть жизнь³.

Проблемное существование человека в период разрыва семейных отношений находит свое художественное воплощение в прозаических произведениях Дмитрия Петровича *Замкнёнае кола* и *Дождж*, в которых представлены моменты безграничной душевной боли и отчаяния, болезненно переживаемые мужчинами. Вполне типичные жизненные ситуации, когда, после достаточно продолжительной совместной жизни, жены уходят от порядочных и тонко чувствующих мужей к другим, более молодым и, может быть, более успешным. А покинутые мужья на протяжении длительного времени тяжело переосмысливают момент экзистенциальной неудачи, окунаясь в ретроспекцию ностальгических воспоминаний. Ромен Роллан пронизательно отметил важную значимость любви в жизни каждого человека: «Благодеяние любви не только в том, что она внушает нам веру в другого человека, но и в том, что мы обретаем веру в себя». Но с уходом объекта любви исчезает не только вера в него, но и вера в себя, что, в свою очередь, приводит к внутренней душевной драме, психологической катастрофе (*Замкнёнае кола*):

Адразу пасля расстання гэты боль, здавалася, аплёў-ахапіў душу і цела – не хапала паветра, было цяжка дыхаць. Сэрца, быццам механічны гадзіннік, запавольвала свой ход. Нейкі цяжар давіў на галаву, шыю, грудзі. Хацелася легчы, заснуць і больш ніколі не прачынацца... Але трэба было жыць, працаваць... Цяпер як быццам пачыналася другое жыццё, і неабходна было нанова вучыцца рухацца, гаварыць, думаць. Часам боль прытупляўся, але душа ўсё роўна патрабавала збавення ад бессэнсоўнасці, бяссілля, бяссоннай нудоты ад сузірання рэчаіснасці – жыццё ж навокал віруе!.. А Трыгубін усяго гэтага не заўважаў: адзінота нібыта паглынула яго, прымусіўшы жыць па яе законах ...⁴

Общеизвестно, что бытие человека изначально одиноко, и в системе семейных (или любовных) взаимоотношений, пусть даже самых счастливых и гармоничных, всегда существует неслиянность двух одиночеств, о которой говорили западные экзистенциалисты. А когда любимый человек выпадает из этой неслиянности одиночеств, собственное болезненное ощущение оставленности и ненужности удваивается, зачастую подталкивая человека к суицидальным мыслям и действиям. Герои прозы Дмитрия Петровича мучительно переживают подобные состояния, при этом нужно учитывать, что мужское со-

³ Там же, с. 7.

⁴ *Ева ў пошуках Адама: аповесці, апавяданні*. Уклад. Віктар Шніп. Мінск: Мастацкая літаратура, 2016, с. 284.

знание и самолюбие всегда нацелены на сокрытие своих болезненных внутренних чувств, дабы в глазах окружающих не казаться слабым и беспомощным, выражающееся в миробоязни, в жизнебоязни, обнаруживая тонко чувствующие души и сердца (*Дождж*):

Нешта зноў разбалеліся суставы. Дзякуй табе, Божа, за гэты боль. Бо ён, фізічны боль, не такі цяжкі, як маральны. Дзякуючы яму я хоць на нейкі час пазбаўляюся ад гэтых душэўных пакут... Бязлітасны дождж. Ад яго нельга схавацца нават у вадзе. Дзе б ты ні знаходзіўся, маланка здрады заўсёды можа ўдарыць цябе, і тады нават фізічны боль становіцца тваім збавеннем⁵.

В повести Анатолия Козлова *Паразумеца з ветрам* авторское сознание тщательно фиксирует ситуацию глубоких душевных переживаний и отчаяния, в которой оказывается главный герой, испытывающий непреодолимую боль от осознания измены любимой женщины. Душевная пустота пронизывает все его существо, нарушая привычный ритм жизни. Оказавшись в тяжелом депрессивном состоянии, полном отчаяния и безысходности, он теряет веру в людей, интерес к жизни и профессии. Нарушение гармонии микромира семьи приводит к эмоционально-психологическому надлому, к невозможности эффективной реализации в социуме своего внутреннего потенциала:

Существование человека характеризуется экзистенциальными дихотомиями... У него нет другого пути к единству с миром и в то же время к ощущению единства с самим собой, к соединению с другими и сохранению себя как уникальной сущности, кроме пути эффективного применения своих сил. Если он терпит крах на этом пути, то не может достичь внутренней гармонии и цельности; он раздвоен и разбит, стремится убежать от самого себя, от ощущения бессилия, скуки и беспомощности, являющимися временными результатами его неудачи⁶.

Рефлектирующее сознание героя, отражающее постоянный скрупулезный процесс самоанализа и самокопания, экзистенциальную «потерянность», крайний пессимизм и цинизм, индивидуалистический нигилизм, обусловлено внутренними индивидуальными качествами персонажа произведения, позволяющими саркастично-критически воспринимать и переосмысливать устоявшиеся стереотипы мышления и поведенческие установки представителей общества. Используя иронию и сарказм, герой стремится успокоить уязвленное самолюбие, констатируя общеизвестные истины:

Жыў бы ты са сваёй Хаўронняй... у шчасці і любові. Тайком здраджвалі б адно аднаму. Запрашалі ў госці такія ж рэспектабельныя і зладжаныя пары, як самі. Пілі вінцо, выкурвалі лёгкі касячок на кампанію ды так наіграна і штучна, да ікаўкі, паказвалі гасцям, якое моцнае ў вас каханне... А вочкі дык бегалі б, бегалі па баках, вышуквалі пякнейшую і прыгажэйшую, а галоўнае – новую ахвяру для ўцехі. І хавалася б грахоўная жарсць за бязвінныя і шчырыя ўсмешкі. Ці не кожныя выхадныя пачыналіся б з нявінных выпівак для прыемнасці, а затым, незаўважна, – алкагалізм і пахмелле адначасна». «Мо і ёсць яшчэ

⁵ Там же, с. 283.

⁶ Э. Фромм. *Человек для себя*. Минск: ООО «Попурри», 1998, с. 634.

на гэтай зямлі верныя жонкі. Але тое ўжо дыягназ. Як цяпер зразумеў: вернасць у наш час – паталогія⁷.

Герой предпринимает попытку самоуспокоения и мести, окунаясь в всепоглощающий мир примитивного разврата, в однообразную атмосферу сексуальной общедоступности и вседозволенности, тем более что соцсети способствуют быстрым и многочисленным знакомствам. Следует отметить, что в прозе Анатолия Козлова представлен факт общеизвестного и общераспространенного искаженного понимания человеком самого понятия «измена». Все эти случайные, легкодоступные, мимолетные сексуальные связи и похождения ничего общего с изменой как таковой не имеют. Это просто действия, цель которых – получение наслаждения. Причем, получая эти удовольствия, мужчины и женщины снимают с себя нравственные обязательства по отношению друг к другу, морали здесь места нет, это весьма убедительно отражено в прозе Анатолия Козлова:

Наступныя тры тыдні праляцелі быццам у вар'яцкім, ірэалістычным сне. Кватэры, нумары гатэляў, сауны і душавыя кабінкі, заднія сядзенні іншамарак, прыцемненыя лавы ў скверах і парках саступалі месца недалёкім ад Мінска дачам, лясным палянам турыстычным намётам... У галаве змяшаліся густым кактэйлем імёны дзяўчат, маладзічак і жанчын, як безасабова кажучь, сярэдніх гадкоў. Ніводнага з іх я не запомніў, як і твараў. Яны, па сутнасці, ператварыліся ў адзін неабдымны твар без колеру вачэй, без вуснаў і насоў...⁸

Ложь и псевдоизмена очень часто выступают в качестве самозащиты человека и в форме мести за нанесенные душевные раны, однако, как правило, такая месть не достигает своей цели, обрекая человека на бессмысленную борьбу с самим собой, усугубляя эмоционально-психологический кризис и моральный дискомфорт, столь ярко представленные в прозе Анатолия Козлова:

Ледзь не месяц кідаўся на лёгкае, даступнае і падатлівае... І што маю? Апустошанаць. Бяспуцце. Можа, гэткая дарога не мая? Не ведаю, пакуль не ведаю. Адчуваю, што сам сабе супрацьлегласць, як вышчарбленая шасцяронка ў агульным зладжаным механізме. Хоць у прорву галавой... Помсцячы, ці набываем мы душэўны спакой, раўнавагу і ўпэўненасць?.. І каму помсцім?! Помсцім сабе...⁹

Более того, постоянный поиск новых встреч, новых ощущений связан зачастую с отсутствием внутренней цельности и самодостаточности человека, наличием духовно-нравственной и интеллектуальной пустоты. И только одна пустота достойна уважения и сочувствия – это душевная опустошенность, связанная с утратой доверия к любимому человеку, опустошенность, обусловленная невозможностью существования без него, ибо «душа человека дороже царств мира»¹⁰. И только, наконец, возвращение любимой, его Единственной, метафизически почувствовавшей экзистенциальный хаос и душевные страдания героя, останавливает этот бессмысленный и опустошающий бег по кругу

⁷ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны: аповесці*. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014, с. 89.

⁸ Там же, с. 155.

⁹ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны...*, с. 158.

¹⁰ Н. Бердяев. *Самопознание*. Москва: Международные отношения, 1990, с. 285.

обыденных и ненужных встреч, приводит к эмоционально-психологическому и моральному равновесию:

Плаўна адчыняюцца жалезныя дзверы, і я бачу сваю Адзіную, сваё сонейка. Адхінаюся ўсім целам. Заклала вушы, абарвалася і пакацілася па лесвічнай пляцоўцы маё сэрца. Абяскроўленае і спакутаванае. Я плачу¹¹.

В повести Анатолия Козлова *Так і жывём* художественно воплощена модель современной семьи, в которой доминируют свободные отношения, без детей, без регистрации брака, без взаимных обязательств, то есть своеобразный союз незавершенного мужчины и незавершенной женщины, означающий «удвоение их слабостей. Они объединяются на основе своих недостатков, а не потому, что любят друг друга и ощущают полноту жизни».¹² Отношения пары изначально выстроены на взаимной симпатии, но не более того; она живет ожиданием чего-то нового в своей судьбе, а он, подчиняясь влиянию приятеля, изрядно подкрепившись алкоголем, проводит свободное время в гараже в компании неизвестных легкодоступных девиц. Банальность и обыденность столь распространенной жизненной ситуации, примитивность такого времяпрепровождения вызывают у героя чувство безразличия:

Хмель выпітага за дзень яшчэ засціў сьядомасць... Перад унутраным зрокам мільгацелі эпідоды-карцінкі мінулага дня: Рудзька і яго гараж, імправізаваны столік з пітвом і ежай, дзве дзяўчыны, якіх яны з Рудзькам прывезлі ў гаражныя апартаменты, хіхіканне, цыгарэтны дым, самагонка без смаку. Усё – як у танным і дрэнным фільме, які здымаўся хуткай рукою невядомага аператара на закінутым гарышчы напаяўразваленага барака. Але дзіўна – ніякай брыдкасці ад пражытага дня Пятрок не адчуваў. Было тое, што было, і ўсё¹³.

Героиня поначалу испытывает некое эмоциональное воодушевление от предстоящих отношений с первым встречным, на которые сама же себя и вдохновила, желая помочь подруге (и не только ей), страдающей от измены мужа, предложив ей универсальный рецепт устранения подобных проблем:

Сённяя мы з табою падчэпім класных малайцоў. Ты ж ведаеш, што клін клінам выбіваецца. На разавую здраду ты дзясятка разоў тым жа адкажы. Вось тады і толк будзе... Забудзешся на пакуты душэўныя, спазнаўшы цялесную ўцеху¹⁴.

Однако все эти спонтанные телесные утехы вызывают душевное разочарование и чувство брезгливости, универсальный рецепт не сработал: «Пагана на душы... Пайшла па руках. Гэта ж трэба туляцца па кватэрах, аціраць чужыя ложка. І дзеля чаго? Закарцелася навізны? Дык яе ж і не было. Ніякай радасці, толькі адчуванне апляванасці»¹⁵. Взаимная ложь, вызывающая чувство неловкости и усугубляющая отчужденность друг от друга, все же приемлема для

¹¹ Там же, с. 163.

¹² Д. Соммер. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_-x_356/1-moral_-x_356.html> (10.10.2016).

¹³ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны...*, с. 267.

¹⁴ Там же, с. 265.

¹⁵ Там же, с. 280.

обоих, ведь она, с их точки зрения, стала нормой жизни для большинства – так живут все; осознание подобной ситуации несколько успокаивает и примиряет, вот только ради чего:

А ўрэшце, усе мы, людзі, такія. Сатканыя з супрацьлегласцяў. Не бывае ў нашых душах аднаколернасці... Хочацца ўсё спазнаць. Шкада, што заднім днём думаем. Наступаем на свае ранейшыя ідэалы, губім, адным бяздумным рухам разбураем тое, што гадамі ўзрошчвалася, песцілася. А мо гэта і ёсць прагрэс, штуршок да спазнання свету? Нецікава, нават згубна ўвесь час варыцца ў адным катле. Тады тупееш, абрастаеш тлушчам, дэфармуюцца мазгі. Чалавек ад нараджэння імкнецца хадзіць па лязе нажа, казытаць свае нервы, правяраць псіхіку¹⁶.

В исследовательской практике неоднократно указывалось на наличие всеобщей сексуальной озабоченности в современной цивилизации, а Энтони Гидденс в своей известной работе *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах* говорит о возникновении нового типа брака и брачных отношений, предполагающий определенную свободу в выборе сексуальных партнеров, а также констатирует проявления мужских качественных характеристик в поведенческих моделях, реализуемых женщинами:

Мужчины большей частью приветствуют тот факт, что женщины стали сексуально доступнее... И все же... они проявляют очевидную и глубоко коренящуюся обеспокоенность... Они говорят, что женщины «утратили способность к доброте», что они «больше не умеют приходить к компромиссам» и что «женщины сегодня не хотят быть женами, они сами хотят себе жен¹⁷.

Современные женщины предпочитают свободные отношения, так называемые гражданские браки, не требующие официальной регистрации, а следовательно, исключающие взаимные обязательства любого характера; они стремятся отплатить мужчинам их же монетой, примерив на себя лицемерие и цинизм, пытаясь скрыть внутреннюю чувствительность, что и находит отражение в повестях Анатолия Козлова, который, декларируя в прозе экзистенциальное мироощущение, мотивы одиночества и разочарования, внутренней неудовлетворенности, потерю духовности, поиски смысла жизни, философски переосмысливая окружающий мир, актуализирует проблему любви, являющуюся необходимой, насущной потребностью, важнейшей составляющей жизни человека.

Современное состояние семьи отражает наличие распространенной модели взаимного отстранения в диаде «муж – жена», продиктованного различными объективными и субъективными причинами, что вплотную затрагивает интересы детей, поскольку нарушается привычная схема обыденных межличностных взаимоотношений в семье, искажается нравственно-психологический микроклимат семьи. Дети (особенно старшего возраста) болезненно реагируют на такую «прохладную» семейную атмосферу, поскольку оказываются в ситуации

¹⁶ Там же, с. 283.

¹⁷ Э. Гидденс. *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Пер. с англ. В. Анурин. Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2004, с. 39.

родительского отстранения по отношению к ним, пока супруги заняты своими проблемами, забыв о моральной ответственности перед детьми.

Актуализация данной проблематики находит свое воплощение в прозе Людмилы Кебич *Эпідэмія грыпу*, где авторское сознание отражает кризис семейных отношений в триаде «муж – жена – сын». Представлена достаточно типичная ситуация невозможности построения нормальных гармоничных взаимоотношений между отцом-эгоистом, снимающим с себя моральную ответственность за судьбы членов семьи, и чутким, проникательным сыном, длящаяся на протяжении восемнадцати лет с момента рождения ребенка. Супруга, практикующий врач-психотерапевт, на протяжении столь длительного времени безрезультатно пытается исправить существующее положение, вызванное нравственным бездушием, моральной глухотой мужа-адвоката, которому абсолютно безразличны повседневные заботы сына и его внутренний мир.

Более того, бесконечный эгоцентризм мужа приводит к деструкции в линии поведения с женой, духовная связь с которой ослабевает, плавно переходя в границы «одиначества вдвоем». Такая модель поведения, доминантой которого является моральное отчуждение, отсутствие принятия Другого в качестве самостоятельной личности, приводит к нежеланию понимать и принимать интересы Другого. Самосознание мужа, направленное на утверждение *Я-значимости*, отражающей жизнеустройство только для себя, диссонирует с самосознанием жены, направленным на утверждение *Ты-значимости*, отражающей жизнеустройство, в первую очередь, для других, а потом для себя. Такой диссонанс является помехой для выстраивания модели *Мы-значимости*, направленной на гармоничное функционирование семьи в целом. Однако супруга не желает разрывать семейные узы, ей одинаково дороги и близки и муж, и сын, демонстрируя классический вариант женской жертвенности, суть которой проникательно определил Эрих Фромм: «Отдавать себя – единственный способ быть собой». Поэтому, погрузив немного о своей женской судьбе, не впадая в депрессивное отчаяние и душевную боль, она твердо намерена ожидать позитивных перемен:

І ці то ад таго, што яе не зачাপіла сур'ёзна, а ўсяго толькі крышачку драпанула татальная сусветная эпідэмія разбурэння маральнага грунту, спрадвечных ісцін, сапраўдных каштоўнасцей, жыццёвых арыенціраў; ці ад толькі што ўсталяванай у яе падсвядомасці ўпэўненасці ў тым, што ў іх сям'і абавязкова ўсё наладзіцца, бо яна будзе і далей прыкладаць для гэтага ўсе свае намаганні, аддасць любым мужу і сыну ўсю сваю любоў, прыступіла да штовечаровых спраў з незвычайным натхненнем¹⁸.

В повести Олега Ждана *Гений* моделируется иная психологическая ситуация, отражающая конфликтные отношения в диаде «мать – сын», где объектом агрессии и морального нигилизма становится мать. Морально-психологический прессинг со стороны сына – это банальная и примитивная месть за нереализованность задуманного, за несчастливую собственную жизнь и своеобразный компенсаторный выход негативной энергии, которую он не способен в полной мере обрушить на тех, кто причиняет ему зло. У героя не хватает ни

¹⁸ *Ева ў пошуках Адама: аповесці, апавяданні...*, с. 188.

внутренней силы, ни мужества противостоять такому положению вещей (это, действительно, очень сложно), но хватает храбрости предъявлять претензии матери, морально уничтожая ее «убийственной» мыслью:

Он не просился на свет. Она его родила и потому не имеет права жаловаться на судьбу. Вместе с ним она должна принимать эту муку... А вы думали – на радость? Христос – на муку, а вы – на удовольствие? Все на муку, кроме глупцов и тиранов¹⁹.

А она, решив родить ребенка в возрасте сорока лет, прекрасно осознавая перспективу судьбы матери-одиночки, руководствовалась не эгоистическими установками и узким прагматизмом, а принципами христианской метафизики:

Да и не могла не родить. Он жил во мне давно, лет уже... не знаю, всегда. Знала, какой он, как ест, пьет, на горшке сидит... Все знала. Оставалось выпустить на Божий свет. Это ведь я преступление совершила б, если бы... Не перед людьми, нет, им все равно, перед Богом²⁰.

Мать для Тришки является человеком, главная функция которого заключается в обслуживании его эгоцентричной персоны. Внешнее отсутствие душевной теплоты и сострадания, эмоциональная черствость доминируют в поведении Тришки. Он совершает моральное предательство, уничтожая мать своим презрительным сарказмом, не считаясь с ее интересами. Ничего, фактически, не создав в этом мире и не стремясь что-либо кардинально изменить в личной судьбе и жизни матери, он перечеркивает метафизическую и онтологическую значимость самого святого человека в мире, глубинную сущность которого понимал Василий Розанов, утверждая:

Есть ли жалость в мире? Красота – да, смысл – да. Но жалость? Звезды жалеют ли? Мать – жалеет; и да будет она выше звезд²¹.

В повести представлен образ достаточно сложного и противоречивого молодого человека, амбициозного художника-самоучки, одаренного от природы и уверенного в собственной гениальности, но непризнанного и непонятого, одержимого мечтой создать гениальный шедевр в живописи. Невостребованность в профессии, материальные трудности, насмешки со стороны окружающих вызывают ответную агрессивную реакцию у героя. Моральная деструктивность во взаимоотношениях с приятелями, с коллегами по работе обусловлена не только осознанием существующей социальной несправедливости, сложных экзистенциальных противоречий, наличием деформированной психики, но и стремлением уберечь собственную индивидуальность от влияния социума, демонстрируя позицию социального бунтарства и нигилизма.

Конфликтность внутрисемейных отношений в сочетании с внутренней эмоционально-психологической деструкцией, в свою очередь, порождает агрессивную асоциальность и отчужденность, создает замкнутость экзистенци-

¹⁹ О. Ждан. *Гений*. [В:] *И нет пути чужого: соврем. белорус. Повесть*. Сост. А. Черота. Минск: Звезда, 2014, с. 117.

²⁰ Там же, с. 109.

²¹ В. Розанов. *Опавшие листья*. Санкт-Петербург: Амфора, 2000, с. 13.

ального круга, разорвать который очень сложно. Феномен социального отчуждения выявляет практически неустрашимые противоречия в диаде «личность – социум», где нарушено равновесие между общественным и индивидуальным. Поэтому в художественно реализованном типе антигероя с ярко выраженным кризисом индивидуализма декларация одиночества как враждебности социальным установкам становится доминирующей.

Если герой повести Олега Ждана агрессивно асоциален, то Маргарита Прохар художественно моделирует тип индифферентного созерцателя общества, сознание которого заключено в границы индивидуалистического нигилизма. Представитель творческой интеллигенции, молодой человек в возрасте тридцати лет, совмещающий писательскую деятельность с работой на телевидении, оказавшись в конфликтной ситуации с любимой, испытывая внутренний дискомфорт, позиционирует себя человеком-наблюдателем, разочарованным в жизни и не стремящимся что-либо кардинально менять в ней:

Я назіральнік. Я той, хто бачыць і чуе, аднак не ўмешваецца ў жыццё і не будзе сваё, адпускаючы яго па плыні часу і таксама назіраючы за ім... Я – назіральнік, таму што стаміўся, жыццё выбіла мяне з каляіны тым, што мой свет і мае мары не знайшлі месца ў гэтым жыцці. Яго змяніць нельга, а сябе я змяніць не хачу. І я проста гляджу на свет, можа быць, чакаю таго, што верне мне – мяне. Аднак пакуль гэтага не адбываецца, я – назіральнік²².

Самокритично оценивая неудачи в любви и творчестве, герой устраняется от противоречий бытия, снимает с себя моральную ответственность, занимает не по мужски выжидательную позицию, замыкаясь в инфантилизме и отчужденности. И эта отчужденность вовсе не связана со стремлением уберечь собственную индивидуальность от влияния общества. Он свободен от всех и от всего, он равнодушен ко всему, декларируя принципы индивидуализма и социального пессимизма. В повести затрагивается актуальная проблема индивидуальной свободы человека, актуализируется значимость социальной и нравственной ответственности человека.

В современной литературной ситуации бытует и другой вариант отстранения (доходящий до нравственно-психологического отчуждения) родителей от детей, продиктованный личными неудачами в жизни, отражающий моральное и эмоционально-психологическое насилие в семье, давление родителей на детей, очень часто реализуемый в модели нарушения отношений в диаде «мать – дочь».

Алена Браво смело и бескомпромиссно обнажает в своих произведениях суть такой семейной «идиллии», мастерски используя богатый биографический материал, не скупясь на жесткую критику и резкие инвективы. Авторское сознание тщательно фиксирует все оттенки удушливой семейной атмосферы не любви, в которой оказалась героиня повести *Рай давно перенаселен*, маленькая девочка, которая, взрослея, на протяжении многих лет оставалась объектом морального и эмоционально-психологического унижения, давления со сторо-

²² М. Прохар. *Назіральнік*. «Маладосць» 2009, № 3, с. 8.

ны собственной матери. Ретроспективно анализируя моменты жизни детства и юности, она пытается понять причины такого поведения ее родного человека, а следствия такой поведенческой модели ярко воплощены в тексте:

Дома с удвоенным остервенением мыть полы, готовить еду, орать на детей. И, наконец, заслуженная награда в конце трудового дня – выпить чашку чаю с припрятанной плиткой шоколада... Что-о-о?! Кто из вас, сучонки, сожрал шоколад?! Да пропадите вы обе пропадом! Да когда же вы наконец уберетесь из моего дома?! Да когда же я наконец сдохну?!²³

Образ матери лишен идеализации, он отражает существо грубоватое и бескультурное, на дух не переносящее интеллигентных умных людей (неслучайно бросила своего первого мужа-юриста, испытывала неукротимое, постоянное чувство ненависти к свекрови), стремящееся выстроить свою профессиональную карьеру на заводе, окунаясь в общественные дела, подчиняясь веянию времени эпохи социализма, при этом не забывая и о личной жизни, устроить которую пыталась с расчетливым и грубым, приземленным человеком, вполне разделяя и принимая его псевдоустановки жизнеустройства по циничной схеме «хочешь жить – умей вертеться». Потерпев фиаско в личной жизни, проживая судьбу матери-одиночки, она использует достаточно распространенную «классическую» схему банальной мести, направленную в первую очередь на собственных детей:

Она... вымещала горечь поражения на детях («Зла на вас не хватает!») ... Ей требовалось распахнуть свое нутро, вывернуться наизнанку и залить своим отчаянием всех: в первую очередь – детей, а потом и тех, кто пытался под видом сочувствия устроить из ее несчастья распространенный аттракцион под названием: «Кому-то еще хуже, чем мне» – аттракцион, неизменно поддерживающий грошовую дозу оптимизма в тех, кому жизнь чего-то не додала²⁴.

Злость особенно вымещается на старшей дочери, которая резко отличается от нее, своим присутствием всегда напоминающая интеллигентного отца, генетически унаследовавшая страсть к чтению книг и наделенная творческими задатками, что вызывает негативную реакцию неприятия у матери, демонстрирующую обусловленную характером ненависть. Дочь становится и жертвой, и заложницей атмосферы нелюбви, выступая в качестве объекта деструктивного своеволия матери, которая забыла об известном факте, что дети приходят в этот мир не по своему усмотрению, слабые и беззащитные, полностью зависимые от взрослых, они нуждаются в душевной теплоте и повышенной родительской заботе, позволяющей осуществить определенную адаптацию к окружающему миру, полному противоречий и неожиданностей. Но мать находится в плену ложных установок, позволяющих реализовать примитивное вымещение злобы, причинение боли другим, поскольку испытывает постоянную боль сама.

Руководствуясь мещанскими принципами, искажающими истинные представления о настоящей жизни и семье, пребывая в состоянии постоянной неудовлетворенности, поглощающей ее лучшие годы, заключенные в границы од-

²³ А. Браво. *Имя Тени – Свет: повести, рассказы*. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012, с. 181.

²⁴ Там же, с. 179.

нообразной и серой обыденности, она выплескивает потоки негатива на дочь, демонстрируя примитивную тиранию. Пользуясь ситуацией вседозволенности и безнаказанности, она, к тому же, демонстрирует банальную трусость и малодушие, поскольку ребенку ответить нечем, ему остается только хранить молчание.

Мать живет стереотипами, не в силах преодолеть стремления следовать распространённым установкам, позволяющим собственную жизнь и себя лично всегда сравнивать с кем-то другим, с ее точки зрения, более успешным и счастливым, забывая при этом о том, что каждый – иной, со своим багажом позитивных и негативных качеств, талантов, одаренностей (или отсутствием оных), неудач и т. д. Всегда видят только «витрину», «фасад», но никогда не знают всей правды, сокрытой за этим «фасадом», и действительно, «никто не взвешивал чужих крестов», как мудро напоминает Алена Браво. Но мать этого не понимает, проживая свои годы в постоянной зависти к тем, кто «устроен» в этой жизни в семейном отношении, в материальном плане, кто относится к категории «хозяев» жизни, абсолютно не осознавая безнравственности этого «мирка» бездушных циников.

Главным жизненным принципом для матери является посыл «быть как все», позволяющий хоть как-то соответствовать определенному усредненному стандарту, приводящему к иллюзии внутреннего успокоения. Но отсутствие мужчины в пространстве ее жизни усиливает осознание ущербности, что, в свою очередь, нарушает эмоционально-психологическую стабильность, резко увеличивая «витальную агрессивность», которую мать в изобилии обрушивает на собственную дочь, демонстрируя полнейшее отсутствие как самоуважения, так и уважительного отношения к ребенку, подобно лакмусовой бумажке, проявляя истинную суть своей человеческой натуры.

По прошествии многих лет, случайно обнаружив старые фотографии своей матери, дочь внимательно изучает серьезные изменения во всем ее облике: от мечтательных и незащищенных глаз юной девушки до «искаженного гримасой отчаяния лица состарившейся нимфы». Дочь пытается оправдать жестокость матери по отношению к собственным детям, понимая, что ее жизнь, полная болезненных неудач, разочарований, безоглядного однообразия и бесцветной обыденности, не могла сложиться иначе, все попытки что-либо изменить обречены на провал. Более того, мать в детском возрасте сама стала жертвой домашнего «воспитания», будучи частенько «нещадно бита своей матерью» за утерянны варежки или шарфик, а ее отец, всю жизнь носивший в себе обиду, к семье никакого отношения не имевшую, тем не менее, «люто издевался над женой и детьми». Дочь прекрасно понимает, что человек, выросший в тяжелой атмосфере жестокости, суровости и нелюбви, вряд ли сможет реализовать в собственной жизни другую модель поведения в семье, поскольку у него для этого нет никакого практического потенциала:

Вот только почему-то среди этих без любви повзрослевших мальчиков полным-полно невротиков и психопатов, по совместительству – алкоголиков; а девочки, выросшие без любви, бросаются в нее как в омут, торопясь ослепнуть и оглохнуть, – легче было бы

купить в магазине бутылку горькой... Бутылка потребуется потом, когда эти девочки, уже протрезвевшие, одинокие и остервенелые бабы, из-за неудавшейся судьбы станут измываться над своими детьми, передавая генетическую обреченность на поражение, как ножик в тюрьму, следующему поколению²⁵.

Однако отчаянная попытка оправдать антигуманное поведение матери наталкивается на жестокую реальность, прочно зафиксированную в сознании дочери, от которой невозможно самоустраниться. Следует отметить, что такая же модель межличностных семейных отношений почти зеркально отражена в повести Ирины Васильковой *Садовница*²⁶. Авторитаризм деспотичной матери, лишенной потенциала базовых культурных и нравственных ценностей, носит разрушительный, деструктивный характер по отношению к собственным детям и мужу. Скудость грубого лексикона, отсутствие доброты и жалости, банальное хамство и патологическое желание унижить личность человека являются доминирующими в поведении матери. Художественное воплощение данных реалий лишний раз свидетельствует о распространенности, типичности этого антигуманного явления, ломающего судьбы людей.

В повести *Имя Тени – Свет (история одной фобии)*, фактически, выявляется стремление авторского сознания художественно зафиксировать и проанализировать ту же проблему, отражающую моральное и эмоционально-психологическое давление родителей на детей, домашний прессинг, скрытый от посторонних глаз. Алена Браво, вновь используя биографический материал, актуализирует данную проблематику, фиксируя сложные взаимоотношения матери и дочери, представив драматическую ситуацию существования молодой женщины, страдающей фобией, приобретенной еще в раннем детстве, связанной с боязнью потери сознания как в общественных местах, так и в домашней обстановке. Это состояние выводит героиню из эмоционального и экзистенциального равновесия, нарушая жизненную перспективу. Причины сформированной фобии кроются в раннем детстве героини, когда неудачница-мать, испытав разочарование в личной жизни, всю свою ненависть обрушивает на старшую дочь, совсем еще маленького ребенка, всячески унижая ее:

...накормив и уложив сестру, она забила в угол за креслом и просидела там до утра, дрожа от холода и страха, что мать проснется и снова будет ее бить... Но мать больше не ударила ее ни разу – да, ни разу. Она выбрала другой способ пытки. Ох, лучше бы она лупила ее чем попало! Но, как зверь безошибочно определяет слабое место у жертвы, мать распознала в дочери сверхчувствительность именно к **слову**... Приспособления для издевательств менялись в зависимости от настроения палача – от обжигающей плети иронии... до железных тисков проклятий, от которых хрустели кости²⁷.

Постоянно используя словесные оскорбления, даже самые грубые и нецензурные, она словно кодировала на неудачу психику ребенка, причиняя дочери бесконечную боль. Мастерски изоощряясь в собственном скудоумии, с особым

²⁵ А. Браво. *Имя Тени – Свет...*, с. 137.

²⁶ И. Василькова. *Садовница*. «Новый мир», 2007, № 7. [Online:] <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/7/va4.html> (11.06.2017).

²⁷ Там же, с. 261.

«восторгом» формируя вокруг невыносимую атмосферу негатива, мать не стремилась создавать комфортное существование в семье. В сознании дочери формируется устойчивые мотивы страха и вины, определившие психологическую ущербность, а родительница полагает, что ее действия продиктованы материнским бескорыстием, о котором Эрих Фромм высказался достаточно однозначно: «это симптом невротического нарушения... Дети растут в постоянном страхе не оправдать материнских ожиданий».²⁸ Вот как проходят дни маленькой девочки, с ужасом ожидающей прихода матери с работы:

От страха у не болел живот, ее рвало, ноги подкашивались, как только стрелка часов приближалась к шести; точно подстреленная она металась по квартире, пробуя предугадать, что на этот раз станет пусковым механизмом скандала: плохо выжатая тряпка для посуды? песок от обуви на полу? – она торопилась погасить искры вероятного пожара – послушная дочь, отличница, член совета пионерской дружины, – но мать всегда находила к чему придраться: плохо накрахмаленный воротничок школьной формы, беспорядок в письменном столе... «Ничтожество! Дрянь!» – истерично визжала мать, швыряя ей в лицо выданный «с мясом» воротничок, выворачивая на пол содержимое ящиков стола²⁹.

Проживая свою детскую жизнь в постоянной боязни наказания за несуществующие деяния, ребенок, взрослея, приобретает не только фобии, но и депрессивное состояние, приводящее к суицидальным мыслям, так и не дождавшись от матери если не любви, то хотя бы доброжелательного снисхождения: «Именно страдание безответной любви привело девочку к мысли о самоубийстве – это было последним, отчаянно-молчаливым криком, мольбой о милосердии». Ощущение отчаяния и невыносимости существования усиливаются от понимания двуличия матери, ее фальши и лжи в отношениях с коллегами по работе, где всегда грубость, вульгарность и жестокость маскируются мнимой доброжелательностью и так называемой «социальной активностью».

Демонстрируя авторитарную совесть, позволяющую морально и психологически ломать ребенка, мать стремится утвердить свой родительский авторитет, формируя субъективную «концепцию» воспитания, но такой родительский авторитет и способ, каким дети справляются с ним, являются главными источниками неврозов. Такая жизненная ситуация ярко представлена в повести, подчеркивает безысходность нравственно-психологического состояния несчастного ребенка:

Отчего же она так угрюмо молчала, затаившись, словно волчонок, в своем убежище за креслом? Отчего не возражала, не оправдывалась? Да от того, что была уверена в необъятности своей вины: все так, мама права (да и разве может мама – ошибаться?), она, Виктория, – выродок, нелюдь... А мать, разъяренная ее молчанием, не могла уже остановиться и осыпала «идиотку» проклятиями. Впрочем, иногда «шкодливая девка» во время этих словесных экзекуций падала, словно подкошенная, на пол, и мать, уверенная в том, что

²⁸ Э. Фромм. *Человек для себя...*, с. 532.

²⁹ А. Браво. *Имя Тени – Свет...*, с. 245.

«истеричка» взяла моду притворяться, покидала комнату, хлопая дверью так, что осыпалась штукатурка....³⁰

Фактически мать лишает собственную дочь экзистенциальной и метафизической защиты, которую может обеспечить только она, подарившая жизнь ребенку, особенно на энергетическом уровне. Пребывая в постоянном стрессе, дочь, взрослея и реализуя себя в профессиональной деятельности, испытывает огромные трудности в преодолении фобий, в построении межличностных отношений. И если героине повести «Рай давно перенаселен», также прошедшей подобный путь взросления, предоставлена возможность прикоснуться к чарующему теплу родной бабушки, способной компенсировать отсутствие материнской любви и душевной доброты, то молодой женщине с устойчивой фобией приходится надеяться только на собственные силы, приводя нарушенное эмоционально-психологическое равновесие в норму.

Сложные взаимоотношения матери и дочери, формирующие пребывание последней в ситуации устойчивого стрессового состояния, в конечном итоге, приводят к дисгармоничному существованию в жизни, невозможности полноценной и качественной реализации в социуме и построения собственных семейно-брачных отношений. Такая же ситуация наблюдается и в повести «Рай давно перенаселен», когда повзрослевшая дочь предпринимает попытку «убежать» из ужасающей атмосферы домашнего «ада» в скоропалительный брак, который естественно и закономерно заканчивается неудачей, поскольку в замужество не «убегают», его создают, руководствуясь совершенно иными мотивами, а естественное отсутствие внутренней цельности и эмоционально-психологической стабильности у героини (в чем, безусловно, виновата мать) не позволяют выстроить семейное счастье.

В прозе Алены Браво художественно воплощен мотив отстранения, достигающий до нравственно-психологического отчуждения родителей от детей, продиктованный личными неудачами в жизни, отражающий моральное и эмоционально-психологическое насилие в семье, давление родителей на детей, очень часто реализуемый в модели нарушения отношений в диаде «мать – дочь». Подобное состояние морального унижения выводит из эмоционального и экзистенциального равновесия, нарушая жизненную перспективу, формируя в сознании ребенка устойчивые мотивы вины и страха, определяющие психологический надлом. Такая модель поведения матери, отражающая отсутствие интуитивного понимания ребенка как отдельной личности, ее субъективных переживаний, наличие авторитарно-командного стиля, низкой степени эмпатии, приводит к девальвации материнства как нравственной ценности.

Таким образом, рассмотренные примеры отражения в современной художественной литературе нравственно-психологической проблематики свидетельствуют о том, что нарушение гармонии микромира семьи, привычной схемы обыденных межличностных взаимоотношений в структуре семьи, продиктованное различными объективными и субъективными причинами, приводит

---

³⁰ Там же, с. 264.

к эмоционально-психологическому надлому человека, к невозможности эффективной реализации в социуме своего внутреннего потенциала.

Литература

- Бердяев Н. *Самопознание*. Москва: Международные отношения, 1990.
- Браво А. *Имя Тени – Свет: повести, рассказы*. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012.
- Василькова И. *Садовница*. «Новый мир» 2007, № 7. [Online:] <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/7/va4.html> (11.06.2017).
- Гидденс Э. *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Пер. с англ. В. Анурина. Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2004.
- Ева ў пошуках Адама: апавесці, апавяданні*. Уклад. Віктар Шніп. Мінск: Мастацкая літаратура, 2016.
- Ждан О. Гений. [В:] *И нет пути чужого: соврем. белорус. повесть*. Сост. А. Черота. Минск: Звезда, 2014.
- Зеленко В. *Не умереть от истины*. [В:] *Неизъяснимая любовь: современная женская проза*. Сост., автор вступительной статьи О. А. Ждан. Минск: Звезда, 2014.
- Казлоў А. С. *Той, хто абганяе сны: апавесці*. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
- Прохар М. *Назіральнік*. «Маладосць» 2009, № 3, с. 7–40.
- Розанов В. *Опавишие листья*. Санкт-Петербург: Амфора, 2000.
- Соммэр Д. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_-x_356/1-moral_-x_356.html> (10.10.2016).
- Фромм Э. *Человек для себя*. Минск: ООО «Попурри», 1998.